

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 101.9

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-423-433

Личность как проблема психологии

Лобастов Г.В.

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Россия, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4
E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Представлено развернутое понятие личности в диалектической методологии, показано начало и завершение развития личности в сопряжении индивидуального и культурно-исторического ее бытия. Обосновано схождение двух линий развития: линии общественных отношений, развивающихся в предметно-преобразовательной исторической практике, и линии развития психического образа в онтогенезе. Смысловая сторона психики исходно объясняется проблемностью жизненного бытия младенца, осуществляющегося в объективных культурно-исторических обстоятельствах. Точка возникновения исходного элементарного психического образа и объективная проблемность начальных форм филогенеза логически смыкаются и в историческом развитии ведут к становлению личности. Это и есть предметное поле психологии. Автором обосновано место идеально-всеобщих форм в анализе психических явлений. «Чистые формы» являются мерой развитости личностного бытия, атрибутивными определениями которого являются субъектность и свободная творческая универсальность. Статья продолжает авторский анализ исследования проблемы личности Э.В. Ильенковым и Л.С. Выготским.

Ключевые слова: личность, психология, метод, диалектика, логика, начало, «чистая форма», субъектность, субъективность, психическая функция, образ, свобода, истина, Я.

Для цитирования: Лобастов Г.В. 2021. Личность как проблема психологии. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 46 (3): 423–433. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-423-433

Personality as a Problem of Psychology

Gennady V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University) – MAI,
4 Volokolamskoe highway, Moscow, 125993, Russia
E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Abstract. The concept of personality in the dialectical methodology is expanded in the article. It shows the beginning and completion of personality development in conjunction with its individual and cultural-historical being. The convergence of two lines of development is justified: the «line» of social relations developing in subject-transformative historical practice, and the «line» of the development of a mental image in ontogenesis. The semantic side of the psyche is initially explained by the problematic nature of the life of the infant, which takes place in objective cultural and historical circumstances. The point of origin of the initial elementary mental image and the objective problem of the initial forms of phylogenesis logically close together and in historical development lead to the development of personality. This is the subject field of psychology. The place of ideally universal forms in the analysis of

mental phenomena is grounded. "Pure forms" are a measure of the development of personal being, the attributive definitions of which are subjectivity and free creative universality. The article continues the author's study of the personality problem in E.V. Ilyenkov and L. S. Vygotsky.

Key words: personality; psychology; method; dialectics; logics; Start; «Pure form»; subjectivity; subjectivity; mental function; form; Liberty; true; I.

For citation: Lobastov G.V. 2021. Personality as a Problem of Psychology. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 46 (3): 423–433 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-423-433

1. Философско-методологические основания понятия личности

Начну словами Л.С. Выготского: «Возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего. Ни в одной науке нет таких трудностей, неразрешимых контрверз, соединения различного в одном, как в психологии. Предмет психологии – самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ его познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут» [Выготский, 1982, с. 417]. Потому, конечно, неслучайно из недр «души» вытягиваются различные образы – как образы того, что есть в действительности, так и того, что есть порождения самой души и к объективному бытию как будто отношения не имеющие. Мировая действительность отражается в зеркале человеческой субъективности (души) и видит себя такой, какой воспроизводится в этом зеркале: от свойств зеркала зависит ее собственный образ. Но только образ – не она сама. Исследовать, что такое – это зеркало и его отражательная способность, при каких условиях оно, его поверхность, отражает эту действительность идеально, т.е. истинно, такой, какова она есть, и как это отражение еще сохраняет в себе, – задача воистину наисложнейшая и наитруднейшая. Психология имеет дело с реальными, эмпирически осуществляющимися формами отражения, с их многообразием, и не так легко в этих отраженных формах увидеть их истинные, чистые образы и не принять искаженные образы действительности и произвольные фантазии субъективности за основание наличного многообразия явлений психики, сознания. Потому Выготский и актуализирует проблему метода, видя кризис попыток ума разобраться в этих вопросах [Выготский, 1982]. Ведь собственная задача психологии как раз и заключается в том, чтобы дать анализ и понять работу этого «зеркала», понять, как действительность сворачивается в точке Я и удерживает в себе ее идеальные формы.

Проблема идеального здесь и становится ведущей проблемой, тождественной с проблемой истины, и все психические функции находят меру своей истинности именно в идеальных формах. А сама личность как особое всеобщее-универсальное содержание Я становится понятой через всеобщий образ реальной действительности [Лобастов, 2016], то есть той действительности, где уникально-единичное и универсально-всеобщее становятся тождественными в себе и для себя и одновременно оказываются, если использовать терминологию Гегеля, в форме бытия для другого, а потому – как в реальности, так и в самосознании.

Э.В. Ильенков как никто сумел увидеть и диалектически разрешить эти проблемы. Реальный метод его исследования связан именно с пониманием исторической диалектики с однозначно-четким, но внутренне подвижным, как любая диалектическая форма, выражением *идеальной формы*, наследующей разработку ее в исторической классике [Гегель, 1977; Ильенков, 1991]. «Идеальное непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека» [Ильенков, 1991, с. 214]. Потому и выстраивание понятия личности Э.В. Ильенков ведет через анализ активных форм культурно-исторической преобразовательной деятельности.

Но предметно-преобразовательная деятельность столь многообразна в своих формах, что, если продолжать аналогию с пространственно-оптическими характери-

ками зеркала, проблема идеальной формы никуда не исчезает, но уходит в необходимость исследования существа самой деятельности. И ее анализ, конечно же, становится анализом тех фундаментальных определений, из которых – как у Спинозы – выводится вся система действительности. Деятельное Я Фихте, сведенное к простой определенности чистой способности активного действия, порождает, строит образ действительности, и это происходит так же, как у Спинозы: образ действительности строится по форме, по логике развития самой действительности. И внутри этого построения сам образ (психика) получает свое обоснование, то есть обоснование необходимости возникновения и деятельного смысла. Потому начало психического образа и было так тщательно продумано Ильенковым [Ильенков, 2009].

Дело психологии – исследовать природу человеческой субъективности и развить ее понятие до тождества с субъектностью [Ильенков, 1991, 2009], иначе говоря, показать, как в индивиде развивается личность.

И понятие *души*, и понятие человеческого тела, их взаимосвязь, противоположность и тождество, Ильенковым, как никем другим, четко и определенно выстроены и проработаны [Ильенков, 1991, 2015]. И четкость, и определенность эти связаны с ясным пониманием, повторю, *категории идеального*. Путаница в понятиях влечет потуги выстраивания различных «концептов», претензия которых на истинность опровергается еще на этапе их логической рефлексии. Без понимания идеального различающая способность просто теряется, мысль движется по эмпирическим характеристикам наличного бытия, не умея отличить эмпирические связи от логических. Поэтому философская выверенность логического движения понятий – необходимая предпосылка конкретно-предметного психологического исследования.

Философия давно открыла, что за причинно-следственным отношением лежит *свобода* – как фундаментальное отношение, снимающее в себе отношение причинно-следственное, и даже смогла эту свободу объяснить. Что образ ее маячил в сознании с самого начала исторического «пробуждения» сознания, вряд ли это сегодня ученому уму не понятно. Произвольно отклоняющееся движение Эпикура; идеи Платона как непорожденные устойчивые порождающие начала, независимые от бытия; неторопливый и глубокий Спиноза, как никто объяснивший свободу; вся философская линия от Гердера через Гегеля до Маркса, усматривающая развитие человека (в культурно-исторической действительности) как движение к свободе, и, наконец, Л.С. Выготский, настойчиво указывающий на *свободу как принцип порождения и движения психики*, – вот точки глубоко-сознательного и мыслящего вхождения в природу общественного бытия, задающие и принципы для понимания личности.

«А чтобы понять, что такое личность, – пишет Э.В. Ильенков, – надо исследовать организацию всей той совокупности человеческих отношений конкретной человеческой индивидуальности ко всем другим таким же индивидуальностям, т.е. динамический ансамбль людей, связанных взаимными узами, имеющими всегда и везде социально-исторический, а не естественно-природный характер» [Ильенков, 1991, с. 393]. Ибо сущность личности, по Ильенкову, заключена «в той совершенно конкретной системе взаимодействующих между собой индивидов, которая только и делает каждого из них тем, что он есть» [Ильенков, 1991, с. 390].

Психическое с самого начала, с его элементарной клеточки, исполнено смыслового содержания. Нет никакого психического образа, даже в самой его элементарной форме, который не нес бы в себе, не раскрывал бы собой субъективный смысл. И раскрывает он его через образ (отражение) внешних обстоятельств, в которых представлена «схема» осуществления субъективного смысла. Бытие в образе раскрывается через этот субъективный смысл. Но объективное бытие задано человеческому младенцу только через со-

став культурно-исторической действительности. И пространство этой действительности есть смысловое пространство человеческого бытия – от банально-примитивных форм до форм высокого духовного творчества. Это и есть «колыбель» личности, которая своеобразно и уникально укачивает каждого младенца, поскольку каждая точка «здесь и теперь» смыкает в себе исключительно случайные обстоятельства.

В пространстве культурно-исторического бытия лежит сущность человека вообще, личностной его формы в частности – со всеми ее психическими функциями, со всеми определениями души, какое бы содержание она в себе ни несла, какое бы смысловое движение в *образе* действительности она ни осуществляла. Именно *движение в образе*, в представлении, в представляемой действительности, то есть в пространстве ее смыслов.

То, что это движение так или иначе обеспечивается телесностью, физиологией тела, сомнений, пожалуй, ни у кого не вызывает, кроме, разумеется, тех, кто в самом психическом, в сознании, разуме и т.д. видит особую субстанцию, обладающую самостоятельностью и самодостаточностью. Ибо здесь, понятно, движение духа не связано с какой-либо физиологией, физикой и т.д. С материей вообще. Из физиологии, по Ильенкову, нельзя вычитать даже намека на психическое. «Тайна человеческой личности потому-то веками и оставалась для научного мышления тайной, что ее разгадку искали совсем не там, где эта личность существует реально. Совсем не в том пространстве: то в пространстве сердца, то в пространстве "шишковидной железы", то вообще вне пространства, то в особом "трансцендентальном" пространстве, в особом бестелесном эфире "духа"» [Ильенков, 1991, с. 393].

Наука любое явление должна вычленив в его *собственной форме* (то есть в форме, воспроизводимой его внутренними условиями), в его сущности, рассмотреть как нечто, способное к обособлению, и в этом обособлении сохраняющее себя. То есть память как память, воображение как воображение, эмоцию как эмоцию и т.д. «Чистая форма» работы специфической психической функции, выявленная теорией и экспериментально зафиксированная, в живом бытии индивида, конечно же, модифицируется и не совпадает с жизненно-эмпирическим ее проявлением. Отсюда, кстати, должно быть понятно, что эмпирическое исследование типа обобщения того или иного психического явления не может дать нам чистой формы, т.е. *необходимой и всеобщей формы осуществления функции*, ее закона, ее логики. Иначе говоря, не дает нам истинного знания.

Поэтому и возникает задача понять психику как таковую в ее *всеобщей форме*, вне ее особенных различных форм. Иначе мы не сможем удержать под контролем внимания (сознания) работу особенных ее функций (памяти, воображения, мышления, эмоций и т.д.) внутри осуществляемой предметной деятельности.

И образ этого объективного бытия, как и образ самой этой деятельности, возникает как *необходимое условие* осуществления человеческого культурно-исторического движения. Более того, как его *активная форма*, идеально, вне предметного содержания удерживающая в себе объективные силы естественно-исторической действительности. Образ потому и возникает только там, где есть это активно изменяющее, преобразующее бытие движение.

Любая «контрольная инстанция» в сознательной деятельности человека – это *чистая форма*. Чистая же форма есть забота теоретической науки, так или иначе задающей методологические контуры исследования. Такая, теоретическая, наука восходит – не только в психологии – к исследованиям философского рода, где *понимающая способность* есть специальный предмет анализа. А понимающая способность есть условие и форма работы любой науки, но рефлексия этой формы – специальная задача философии. Иначе говоря, контроль за движением мышления в любом предметном материале осуществляется представлением о его, мышления, всеобщей форме, потому бессознательно содержит в себе потенцию философии. Актуализировать эту потенцию возможно только через освоение исторического развития всеобщих форм мышления.

2. Диалектика становления личностной формы

Генезис любой психической функции осуществляется как необходимая форма (условие) развития субъектности, личностного бытия, а последнее – только в условиях освоения и присвоения культурно-исторических форм действительности, включая, разумеется, и творчески-преобразующую. Но личность (личностная форма), естественно, не предшествует возникновению психической функции, – до ее, личности, собственного начала индивидуальное развитие еще должно дорасти. И не только в онтогенезе, но и исторически, в филогенезе. Историческое возникновение личности, возникновение ее в истории, становится «априорной» формой для вхождения в личностный способ бытия каждого индивида, погружаемого в культурно-историческую действительность.

Но психическая функция как таковая с самого начала возникает из *противоречий* объективного бытия индивида (младенца), противоречий удовлетворения тех элементарно-необходимых нужд младенца, на базе которых возникают потребности, теснейшим образом связанные с формированием образа действительности, – в статье «Психология» [Ильенков, 2009] это обстоятельство Ильенковым подробно проанализировано. При всей своей видимой самостоятельности ни одна из выделяемых психологией психических функций не имеет обособленного значения от смысловой деятельности человека. В условиях разделения этой деятельности разделяются и психические функции, и это разделение ведет к разложению личности. И именно потому, что теряется осмысленная субъектность. Субъект теряет свои истинные определения, становится «носителем», «агентом», «актором», «исполнителем» и т.д., зависящим, псевдосамостоятельным существом. Появляются концепции «смерти автора», «смерти бога» и вообще «конца истории». Замкнутая на себя целостность деятельности перестает быть смыслом, требует отдельных навыков и операций, мотивация теряется или получает форму внешней стимуляции. Здесь могут получить гипертрофированное развитие те или другие функции-способности, сосуществующие в психическом поле с неразвитостью остальных (других). Это следствие разделения труда Марксом было названо «профессиональным кретинизмом». «Ведущая деятельность» личностного развития в полной мере навязывается индивиду условиями разделения труда. И ни память, и ни ум, ни тонкая различающая способность уха и глаза и т.д. не выводят человека из «кретинизма», и самомнение, построенное на такой обособленной развитости отдельной психической способности, ведет к ложному пониманию самой личности.

Поэтому вопрос о связи личности с психическими функциями не может быть даже правильно поставлен, ибо эмпирическое понимание личности вынуждено каждый раз в ее развитии формулировать некую типичную («ведущую») ее форму, необходимость которой не имеет теоретического (логического) обоснования. Выстраивание этих «типических» форм в некую последовательность в онтогенетическом развитии никак сущность личности не выявляет, а лишь описывает эмпирическое положение вещей.

Мера любой вещи заключена в природе этой вещи. Мера личности никак не вычитывается из предметно-видового содержания деятельности, оно, это содержание, *случайно*, необходимым же условием является *форма этой деятельности*, которая сугубо общественная, и потому действующий малыш «никогда не один» – даже если он один фактически. Форма деятельности, осваиваемая ребенком, задана ему условиями общественного бытия, ближе – той ситуацией, в которой он разворачивает и развивает меру своей субъектности, т.е. свободу полагания действий, определенных образом целого (смысловым определением). Именно эта способность, способность формировать и удерживать образ целого, развивая форму идеальности, становится условием и формой вхождения в любое особенное предметное содержание. Здесь же, кстати, лежит и мотив, доставляющий массу проблем практической педагогике.

Внешняя типология, осуществляемая на основе повторяющихся и на возрастной шкале последовательно сменяющихся видов деятельности ребенка, не проникает в суще-

ство процесса становления личности. Кант, в строгости мышления которому никто не откажет, прекрасно показал, что из эмпирических повторяющихся связей всеобщность и необходимость не выводима. Потому школа и не берется формировать таланты, ибо они выбиваются из той последовательности, на которую стандартизированная школа и ориентирована. Эмпирический опыт человечества свидетельствует о таких феноменальных проявлениях личностного бытия («ведущих форм», как говорит психология), что никакая наука до сих пор этот феномен объяснить не может, и потому почти уверенно записывает в чудо природного или божественного бытия.

Истина требует четкого понимания всех условий возникновения личностной формы и, более того, понимания самого *генезиса этих условий*. Если они, эти условия, для сознания науки предстают как внешние, как некие привходящие (то есть случайные) обстоятельства, то эмпирическое поле исследования только ширится и обязательно заканчивается «болотом». Необходимой линии, обнаруживающей логическую последовательность развития личностной формы, здесь, в эмпирическом обобщении, выстроить нельзя. Нельзя их получить и потому, что все это поле проявлений само по себе не обнаруживает *исходного начала* личностной формы. И поэтому сознание может принимать за таковое, за исходное начало, все что угодно, ограничивая себя только своими субъективными представлениями.

В составе этих представлений определяющей, что, конечно же, понятно, является логика. Неслучайно анализ проблемы личности Ильенков предваряет постановкой методологической проблемы: две логики – два подхода [Ильенков, 1991].

Логика есть форма всеобщая, и как всеобщая форма она есть форма общественная и живет в культурных определениях истории, и потому индивидуальному развитию ее надо осваивать и присваивать. Стихия этого процесса присвоения логической формы, малозаметная для наблюдающего глаза, столь же стихийно порождает мысль о внеисторическом возникновении (начале) этой логической способности индивида.

Однако любой феномен, обнаруживаемый эмпирическим сознанием (исследованием) в составе человеческой действительности, есть результат общественно-практической предметно-преобразовательной деятельности. *Идеальная форма* его (как в предметной культуре, так и в сознании) уходит в основание и сохраняет себя там своей деятельной функцией. Потому она сохраняет себя и в общественной культурно-исторической действительности – как в чистых сознательных (сознаваемых) формах, так и совершенно неявным для сознания образом.

Но как результат деятельности он, согласно диалектике, оказывается, повторю, в ее, деятельности, основании. В основании человеческой действительности, следовательно, оказываются и *неосознанные* явления, порожденные самой человеческой активностью. То, что они, эти явления, в некоторых психологических концепциях принимаются за начала личностного бытия – не удивительно.

Общественно-историческая культура, сознательно или бессознательно, таким образом становится содержанием индивидуального бытия: достаточно индивиду быть включенным, хотя бы даже в элементарно-ограниченной форме, в общественное воспроизводство человеческой жизни. В этом проявляется суть материалистического понимания истории, суть, важная для науки психологии. На это обстоятельство вполне определенно указывает Маркс, через почти сто лет – Л.С. Выготский и полвека назад – Э.В. Ильенков.

Если не увидеть этого обстоятельства, то нельзя будет увидеть и целостности в понимании предмета психологии Ильенковым. Его специальная статья («Психология») [Ильенков, 2009], посвященная собственно психологической проблеме возникновения психического образа, как будто не касается проблемы личности. Но это далеко не так, поскольку начало психического, элементарный психический образ с самого начала возникает в контексте человеческого «делового» общения, требующего от индивида совершенно другой, нежели у животного, организации психики. Ибо психика (образ) возникает и фор-

мируется сразу как *смыслонесущее* действие, как действие, совпадающее с формой действия реального, удовлетворяющего органическую нужду. И возникает как условие последнего, то есть реального действия.

Иначе говоря, уходит в основание. Здесь происходит *отделение и обособление* от реального действия его, действия, собственного образа. И форма этого действия в открывшемся образе пространства и времени теперь удерживается как независимая форма его будущей, несущей интенцию мотива и цели активности. Потому эта форма выступает как предпосылка и как условие определенных потребностью действий. Здесь начало человеческой *субъектности*. И здесь же начало субъективности, обеспечивающей произвольность (начало свободы) смыслоогласованных действий.

Как теоретик, исследующий всеобщие условия, основания и способ становления человеческой личности, Э.В. Ильенков анализирует именно существо человеческой психической деятельности, выявляя ее *необходимость* и внутреннюю форму ее работы. Дело воспитания слепоглухонемых детей для него обнажило весь клубочек этих проблем и показало, сколь глубока связь центральных философских проблем с практически-педагогическим формированием человеческой психики [Ильенков, 1991, с. 30-43]. Здесь отчетливо обнажился механизм перехода всеобщих смысловых определений человеческой культуры в субъективные способности индивида. Иначе говоря, механизм формирования личности с момента возникновения психики до развитой формы человеческой личности.

Как давно показано – не только в классической диалектической философии, но и в отечественной теоретической и экспериментальной психологии, – любая форма, как в бытии, так и в мышлении, формируется *активностью самого человека* и в этой активной деятельности проявляется. Потому в расшифровке человеческой формы деятельности, ее генезиса и развития лежит ключ к пониманию любого феномена человеческой культуры, включая сюда самого человека со всеми его способностями, его отношениями к миру и к другому человеку. Мерой личностной формы бытия поэтому выступает не та или иная предметная форма деятельности, но только *мера развития субъектности и свободы* в полагании любой формы деятельности с любым предметом и в любых условиях.

Естественная активность тела младенца выстраивается *логикой деятельной культуры матери*, втягивающей в себя объективный контекст исторической культуры, опредмеченной в составе предметных обстоятельств и общественных отношений. По этой логике, – разумеется, без того, чтобы ее осознавать, – ребенок входит в человеческий мир, осваивая и присваивая его формы и тем самым творя свои способности (способы) – способности человеческого движения в этом мире. Человеческую логику бытия. И обретая тем самым образ человека. Творя себя в форме *совместной деятельности* со взрослым, примыкая и входя в сопряжение с формами активности взрослого. В педагогической психологии это сотворчество конкретизируется в понятии (и в реальной форме) *совместно-разделенной предметной деятельности*. Понятие, сформулированное внутри тифло-сурдо-педагогики.

Так дело воспитания человеческой души, сознания и личности понимают А.И. Мещеряков и Э.В. Ильенков, в прямом смысле сотворившие развитую форму личностного бытия у детей, лишенных слуха и зрения. В этом деле было осмыслено, показано и экспериментально-теоретически доказано, каким образом исполненная смыслами культурно-историческая человеческая предметность передает воплощенное в ней смысловое содержание активно включаемому и включающемуся в совместную деятельность индивиду. Каким образом от взрослого ребенку *передается сама форма* человеческой активности. Осваивая пространство человеческого бытия, ребенок осваивает пространство человеческих смыслов. Осваивает деятельно, потому и его движение внутри этих смыслов становится человечески-определенным [Мещеряков, 1974; Ильенков, 1991].

Психология как *наука о личности* должна расшифровать содержание личностного бытия – и расшифровать в строгом движении логических категорий. Иначе говоря, со-

здать науку о личности, выявить ее *внутреннюю, собственную всеобщую форму* – со всем составом возможных ее экзистенциальных смыслов и форм их индивидуально-психического проявления. Такая наука, выявляющая внутреннюю логику развития и бытия личности, ни в коем случае не делает своим основанием какую-либо из наличных форм ее существования, – но только логику ее, личности, *необходимого генетического развития* – от начала до завершения. Потому она требует и определения ее *идеала*, определения, которое выводится из понятия сущности человека и потому никак не совпадает с любой сколь угодно развитой реальной личностью. Это «чистая форма» – как в геометрии шар, выступающий логическим идеалом любой округлой объективно-пространственной формы.

Такая теория есть *понятие* личности. И это понятие отражает индивидуальную форму развития человека, – но развития как общественного существа. Потому она есть форма общественная, культурно-историческая, задаваемая этими же общественными культурно-историческими условиями. Форма объективная, которую принимает в себя («надевает» на себя) каждый индивид, входящий в человеческое бытие. Подобно тому, как продукт труда «надевает» на себя товарную форму, форму экономическую, более широко – общественно-историческую [Лобастов, 2014].

Форму объективную, но идеальную. Потому идеальность у Ильенкова никогда не отождествляется с субъективностью. Подмены понятий Ильенков не допускает.

3. Форма личностного бытия

Психология обнаружила, что самосознание не сводится к тому, что можно обнаружить «внутри» себя, в содержании своей индивидуальности. Именно само это содержание с некой жесткой необходимостью выводит субъекта за рамки себя, за пределы Я, ставит Я в различие с самим собой. И даже в противоречие. Но Я одновременно и тождественно Я, самому себе. Начало Я – в самой действительности, но оно же дано и в самосознании [Лобастов, 2016].

Форма движения мышления совпадает с логосом вещей, утверждал Гераклит, порядок идей совпадает с порядком вещей, как через две тысячи лет скажет Спиноза. Этот *принцип тождества бытия и мышления* выразит всем своим творчеством Гегель. И, надо сказать, что и сегодня без этого принципа ни с одной проблемой в составе человеческого бытия умно разобраться не получится. И психология, претендующая на выражение и понимание человеческой субъективности, в таком случае этого понимания, истинного понятия своего предмета, тоже не достигнет. Действительная картина современного состояния психологической науки нам наглядно это свидетельствует: теоретико-методологическая проблематика там если этот принцип и выражает, то только стихийно и скорее на основе «фундаментальных» представлений обыденного сознания, менее всего «впадающего» в рефлексивность, чем на четко осмысленных теоретических положениях философско-методологической науки. Л.С. Выготскому пришлось провести глубокое методологическое исследование, чтобы показать, в чем «исторический смысл психологического кризиса» [Выготский, 1982, с. 291–437].

Свою определенность Я получает внутри отношения к другим Я. Единичное самосознание, говорит Ильенков, содержит в себе иллюзию и скрывает действительное объективное отношение. Философ-материалист, пишет он, «будет искать разгадку "структуры личности" в пространстве, вне органического тела индивида, и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности. В том самом пространстве, в котором сначала возникает человеческое отношение к другому индивиду (именно как реальное, чувственно-предметное, вещественно-осязаемое отношение), которое "внутри" тела человека никак заложено не было, чтобы затем – вследствие взаимного характера этого отношения – превратиться в то самое "отношение к самому себе", опосредствованное через отношение "к другому", которое и составляет суть личностной – специфически

человеческой – природы индивида» [Ильенков, 1991, с. 404]. «Отсюда-то и возникает, – продолжает мысль Ильенков, – самая возможность несоответствия между реальной личностью и ее самочувствием-самоуверенностью» [Ильенков, 1991, с. 405]. Отсюда и «иллюзии самосознания, которые в принципе непреодолимы для метода интроспекции – для самого внимательного вслушивания в систему собственных самочувствий и их осознания, выражаемого в словесном самоотчете» [Ильенков, 1991, с. 406].

Сегодняшние «социологические» методики в постановке психологических экспериментальных исследований, опирающиеся на подобного рода «самоотчеты», кроме вербализации этих иллюзий ничего в себе не содержат. Истинное содержание личности остается за гранью исследования, ориентированного эмпирической методологией такого рода.

А оно-то, это содержание, и есть проблема. Центральная проблема психологии, а далеко не только проблема логико-методологическая. Потому Э.В. Ильенков и обращается к тщательному исследованию *исходной точки психического*, выявляет необходимые условия возникновения *образа*, его элементарной «клеточки». То дело, которое сделал Ильенков, заключается как раз в замыкании круга человеческой субъективности – от логического и экспериментального обоснования *начала психического* до понимания всесторонней универсально развитой *личности*, историческое развитие которой не ограничено никаким мыслимым масштабом [Маркс, Энгельс, 1968, с. 476]. Здесь он думает в полном согласии с Марксом.

Потому надо сказать, что первый эмпирический факт, имеющий фундаментальное значение для психологии, заключается в объективной рефлексии активной *деятельности преобразования* внешнего материала, – деятельности, независимой от непосредственной детерминации наличным положением вещей. Деятельности, опосредованной *образом* внешней действительности. Рефлексия эта происходит в предметно-преобразовательной (трудовой) деятельности. И здесь она осуществляется совершенно объективно.

Именно здесь обнаруживается человеческое Я – как нечто ставшее и деятельное, как бы в самом себе находящее мотив своего движения. Свобода и творчество. Атрибутивные определения личности. «Личность и есть лишь там, где есть свобода. Свобода подлинная, а не мнимая, свобода действительного развертывания человека в реальных делах, во взаимоотношениях с другими людьми, а не в самомнении, не в удовольствии ощущения своей мнимой неповторимости» [Ильенков, 1991, с. 413]. Адекватность самосознания обнаруживается в реальных отношениях людей, а следовательно, только через ту логику, которая способна эти отношения воспроизвести в сознании.

Личность выражает истину и истиной себя удерживает. Личность реально, собой, своим действием, проявляющим столь же реальные общественные отношения, и эти отношения этим действием меняющая, преобразующая, – здесь, в этих изменениях, личность видит себя. Иначе говоря, она своим действием и выражает состав общественного бытия и одновременно его преобразует. Она осуществляется в пространстве своей сущности. Преобразуя общественные отношения, она преобразует себя. Но тем самым и других, всех, кто объективно захватывается этими отношениями. Кто их – точно так же – осуществляет.

И только в такой позиции личность способна задавать культуре свои собственные определения. Определения – как определения самой действительности, которые личность предчувствует, чувствует, выражает во всеобщезначимых формах и свободно-творящим способом воплощает в действительность человеческого бытия. Которые, с одной стороны, проявляются как субъективно-личностные, а с другой – как общественно значимые. В этом суть личностного бытия, а потому и *мера* человека: личность – это индивидуальное выражение всеобщего, *оединиченная всеобщность*, как выражает эту мысль вслед за Гегелем Э.В. Ильенков [Ильенков, 1991, с. 229–270; с. 387–415].

Индивидуальное, субъективно-личностное бытие выражает культурно-историческое содержание. «Овладеть правдой о личности и самой личностью нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом», – говорит

Л.С. Выготский [1982, с. 436] и этим ставит центральную задачу психологии как науке. Именно как науке, которая в полной мере опирается на мысль, что человек в своем развитии всегда действует как практически-преобразующее действительность общественное начало. Тем самым – и как преобразующее само себя.

Потому ни одну психическую функцию нельзя познать вне реальной жизненной действительности, вне общественной предметно-образовательной деятельности, вне понимания отношений человека к человеку – в каких бы формах это отношение ни было выражено. Страшно сложная задача. «Практическая психология» сегодня умеет подчинить своим особым целям движение психических функций. Естественно, исходя из прагматических потребностей. И разрабатывает множество «методик», «психологических практик» – инновационная установка здесь не имеет предела, – если мы помним «болото эмпиризма».

Подчинение психической функции движению целого – это процесс смыслового развития образа действительности, который, конечно же, может быть удержан только всем составом психических функций. И наоборот, образ действительности, предстающий через индивидуальное бытие, сущностью своей представлен и в развитии той или другой его смысловой стороны. Это – всеобщая основа антиципации действительности. Потому педагогика, занимающаяся формированием и развитием некоей особой предметной способности, бессильна, если не завязана на личностное развитие. Если не встроена в систему общественных отношений. «Каждый человек есть в той или иной степени мера того общества или, скорее, класса, к которому он принадлежит, ибо в нем отражена вся совокупность общественных отношений», – в полном согласии с Марксом утверждает Л.С. Выготский [1982, с. 403]. Буржуазные общественные отношения естественным образом порождают представление противоположности личности и общества, и основания человеческой души ищутся не в содержании культурно-исторического бытия, а либо в составе органико-биологических форм, либо в онтологизированной духовной культуре человечества, представленной в ложно-фантастической религиозной форме. Вот здесь-то и появляются фантомы сознания и монстры действительности. Пожалуй, нет необходимости говорить, что такая ситуация порождается частнособственническими общественными отношениями. Они фокусируются в личностной форме, и личность их проявляет и выражает. Вот потому Выготский и говорит, что «каждый человек есть в той или иной степени мера того общества», которому принадлежит.

Но мера личности, *истинная мера личности* есть истина общественного бытия. Иначе говоря, общественный идеал. То есть тот образ человеческой действительности, который определяется логикой общественного развития, но ни в коей мере не обобщением содержания наличного бытия. В этой позиции попытка понять личность снова возвращается к проблеме исходных начал, сказывается «сказка про белого бычка».

Потому метод мышления и философское его обоснование как истинной формы воспроизведения действительности в сознании, является центральной, «*ведущей деятельностью*» в познании общественно-исторического человека. И тем самым школы. Это – панацея от всех тех бед, в которые якобы сегодня попадают дети и с которыми никак не может сладить вся система воспитания и образования. Панацея – поскольку сила мысли, удерживающая силу действительности, не позволяет ей, мысли, любую ограниченную форму бытия принимать за форму всеобщую. В наличном бытии – «прыгать с кочки на кочку» в осуществлении якобы своей свободы.

Свобода и истина, не забудем, атрибутивные определения личности. «Сила личности – это всегда индивидуально выраженная сила того коллектива, того "ансамбля" индивидов, который в ней идеально представлен, сила индивидуализированной всеобщности устремлений, потребностей, целей, его руководящих» [Ильенков, 1991, с. 413].

Список литературы

1. Выготский Л.С. 1982. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. Исторический смысл психологического кризиса. М., Педагогика: 291–437.
2. Гегель Г.Ф. 1977. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., Мысль, 472 с.
3. Ильенков Э.В. 1991. Философия и культура. М., Политиздат, 464 с.
4. Ильенков Э.В. 2015. От философии до педагогики. Ред.-сост. Г.В. Лобастов. М., Изд-во СГУ, 610 с.
7. Ильенков Э.В. 2009. Психология. Вопросы психологии, 6: 92–106.
9. Лобастов Г.В. 2014. Личность и ее определения (к 90-летию Э.В. Ильенкова). Вестник РГГУ, 20: 9–25.
10. Лобастов Г.В. 2016. Проблема методологии исследования личности. Вестник РГГУ, 4: 53–70.
11. Маркс К., Энгельс Ф. 1968. Соч., т. 46, ч.1. М., Политиздат, 559 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. 1974. Соч., т. 42. М., Политиздат, 535 с.
13. Мещеряков А.И. 1974. Слепоглухонемые дети. М., Педагогика, 327 с.

References

1. Vygotsky L.S. 1982. Sobraniye sochineniy [Collected Works]. Iss. 1. Istoricheskiy smysl psikhologicheskogo krizisa [The historical meaning of the psychological crisis]. Moscow, Publ. Pedagogy: 291–437.
2. Hegel. 1977. Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophy]. Iss. 3. Filosofiya dukha [The philosophy of the spirit]. Moscow, Publ. Thought, 472 p.
3. Ilyenkov E.V. 1991. Filosofiya i kul'tura [Philosophy and culture]. Moscow, Publ. Politizdat, 464 p.
4. Ilyenkov E.V. 2015. Ot filosofii do pedagogiki [From philosophy to pedagogy]. Ed. G.V. Lobastov. Moscow, Publishing house of SSU, 610 p.
5. Ilyenkov E.V. 2009. Psikhologiya [Psychology]. Voprosy psikhologii, 6: 92–106.
6. Lobastov G.V. 2014. Lichnost' i yeye opredeleniya (k 90-letiyu E.V. Ilyenkov) [Personality and its definitions (on the 90th anniversary of E.V. Ilyenkov)]. Vestnik RGGU, 20: 9–25.
7. Lobastov G.V. 2016. Problema metodologii issledovaniya lichnosti [The problem of personality research methodology]. Vestnik RGGU, 4: 53–70.
8. Marx K., Engels F. Sochineniya [Soch.]. Vol. 46, part 1. 559 p.
9. Marx K., Engels F. 1974. Sochineniya [Soch.]. Vol. 42. Moscow, Publ. Politizdat, 535 p.
10. Meshcheryakov A.I. 1974. Slepoglukhonemyye deti [Deaf-blind-mute children]. Moscow, Publ. Pedagogy, 327 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лобастов Геннадий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет); президент Российского философского общества «Диалектика и культура», г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennady V. Lobastov, Doctor in Philosophy, Professor Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) MAI; President of the Russian philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia